

Наталья
Струтинская

АЮ - ДАГ

Роман

Copyright © Струтинская Наталья, 2016

Дизайн обложки: Струтинская Н.В.

Официальный сайт писателя www.nstrutinskaya.ru

Струтинская Н.

Аю-Даг: роман/Струтинская Наталья. – Москва, 2016.

Это – чувственный роман о любви. Это – пронзительный роман о поиске себя в сложном хитросплетении событий и характеров. Это – легенда Аю-Дага, воплотившаяся в жизнь.

Марья Корчагина – семнадцатилетняя красавица-дочь строительного магната Санкт-Петербурга, представительница «золотой» молодежи, воспитанная в атмосфере полного достатка и любви и не привыкшая задумываться о будущем. Мир вращается вокруг нее, и ей кажется, что и друг ее детства, проведенного в маленьком крымском городке у горы Аю-Даг, полностью принадлежит ей. Но неожиданное событие коренным образом меняет ход ее жизни...

ISBN 978-5-4483-1136-9

...В высоком, затянутом дымкой небе сиротливо желтел солнечный шар, обещая к обеду высвободиться из облаков и согреть влажную, озябшую под ночным дождем землю. В оливковых ветвях пел свою песню соловей, заливая окрестности протяжным, звонким, мелодичным свистом. Дорогу размыло, размыло и следы, что оставляли в памяти воспоминания. Пыль не клубилась под детскими ножками в сандалиях, а задорный смех не заглушал соловьиную песню. Горные склоны нависали над бывшим озорным, а теперь под мутными потоками воды, стекавшими с гор, ставшим бурным источником, что сбегал вниз, туда, где за безмолвием перелеска и голубым полумраком прижималось к берегу море.

Я вышла на край крутого спуска к берегу. Я провела рукой по выжженному временем и солнцем камню — застывшей лаве, что рука Создателя когда-то низвергла из недр земли. Теперь же на ней рука неискушенного вахлака оставила след своего пребывания здесь — что-то вроде «Я здесь был». А жаль. Впечатления человек сознательный

оставляет в своей памяти, а не на скале, как человек первобытный.

Море было серо. Оно спокойно набегало на берег, облизывая гальку. Даже не пенилось. Казалось, оно дремлет, не потревоженное моторками и катерами. Волны были мягкими, переливающимися, будто кто-то широким шелковым покрывалом накрыл землю и теперь покрывало это едва колыхалось от ветра.

Берег был пуст. Каменные валуны безмолвно покоились на нем, подставляя свои серые спины соленому ветру.

Галька зашуршала под моими ногами, когда я направилась к одному из валунов, на которых когда-то грелась, протягивая свои худощавые лодыжки жарким солнечным лучам. Коснувшись рукой камня, я обнаружила, что от него исходит тепло. С ногами я взобралась на валун, скрестив их под собой, и подставила лицо порывистому теплему ветру, что перебирал мои волосы в своих крепких невидимых пальцах.

Память — это то единственное, что по-настоящему принадлежит нам, и то, что мы можем оставить после себя.

Память была здесь в каждом камне, каждый изгиб берега отзывался воспоминанием. Но воспоминания эти теперь опустели и сиротливо прижимались одно к другому, чтобы согреться в сердце и не исчезнуть навсегда.

Берег был пуст и безмолвен, а серость дня навевала тоску и чувство одиночества, покинутости, что отзывалось в душе страхом перед этим безлюдным местом. Трудно было представить теперь себе, что когда-то здесь звенел детский смех, волны набегали на берег, разбиваясь о каменные валуны и разлетаясь на тысячи сверкающих осколков, а в море покачивалась на волнах моторка. Теперь же мне вдруг стало страшно и неуютно здесь – тени деревьев и каменных выступов горбатой спины Аю-Дага нависали над пляжем, и только бескрайнее пространство моря умиротворяло меня, рассеивая страх в своей всепоглощающей бесконечности.

Решение мое было окончательным. Быть может, тоска, вдруг охватившая меня, или реальность, в лицо заглянувшая мне, подтолкнули меня к этому решению, но оно было единственно верным. Я устала – устала ждать, устала искать, устала вспоминать. Меня любили, и любовь

эта была единственной реальностью в моей иллюзорной жизни. Я кожей чувствовала свое одиночество в этом окружавшем меня несчастливом счастье, переплетении чувств и судеб и жизни, что неумолимо двигалась вперед, что никого не ждала и никого не искала, а просто летела, подхватывая на своем пути смелых попутчиков. Я не нарушала клятвы, принесенной здесь и сохраненной в безмолвии берега. Я приносила в жертву себя ради любви, которая жила во мне, которая жила в человеке, любившем меня, и которая жила где-то за сотни километров отсюда, скованная льдами Севера.

Для любви не имеет значения ни форма, ни обстоятельства. Но стоит, поддавшись порыву, опрокинуть одну из фигур, как рушится вся система устройства души человека. Я устала быть тем камнем преткновения, что стоял на пересечении нескольких жизней, мешая и себе, и другим вдыхать любовь полной грудью, заставляя сердце сжиматься от тоски и надежд, которым не суждено сбыться. Последней каплей в этом наполненном до краев стакане домыслов и побуждений была Лена, слова которой поразили меня и в то же время

окончательно убедили меня в правильности принятого мною решения.

Ветер доносил крик чаек, что кружили над морем. Расправив свои острые крылья, они то камнем летели вниз, подлетая к самой поверхности воды, то снова взмывали вверх, туда, где во влажной дымке скрывалась бездонная, высокая синева. Ветер, бороздящий водный простор, был теплым, однако его порывы были достаточно сильны. Я поежилась, натянув на ладони рукава свитера.

Вдруг что-то надломилось в пространстве, будто какая-то частица ударилась о купол небосвода, трещиной разверзнув небо. Удушающая пустота, достигнув своего апогея, испарилась. Пустой берег, что сиротливо прижимался к самой кромке воды, отступил вглубь полуострова, поглотив и лес, и стену гор, и, перевалив через хребет, направился дальше, к горизонту. Море же, что рассеивало мои мысли, теперь внимательно смотрело на меня своими серо-синими пронизательными глазами.

Надлом этот так поразил меня, что я невольно вздрогнула. У меня перехватило дыхание, я чувствовала, как сердце замерло в груди, а кровь отхлынула от моего

лица. Руки мои похолодели, а ноги не слушались. Я не чувствовала своего тела – только моя душа пришла вдруг в движение, мысли рассеялись как дым, а замершее было сердце внезапно снова отчаянно забилося в груди, когда я... Нет, не услышала, а скорее почувствовала, что галька на берегу пришла вдруг в движение под чьими-то тихими, осторожными шагами.

Безотрывно я смотрела в серые глаза моря, что бесстрастно взирало на меня. Шаги замерли, и один только ветер ласкал теперь гальку, играя в ветвях деревьев, шурша в просветах между скалами и задувая в уши, отчего все звуки тонули в шипении моря. Я глубоко втянула в себя соленый морской воздух и закрыла глаза, задержав на несколько мгновений дыхание, – мгновений, которые замерли между прошлым и будущим, – мгновений, в которых соединилась вся моя жизнь.

Я медленно обернулась, словно невольным движением могла спугнуть видение.

Он стоял на противоположной стороне берега, и всего несколько шагов отделяли меня от него. Он стоял и смотрел на меня. Его лица касался тот же ветер, что

прикасался к моему лицу. Он дышал, как дышу я, и чувствовал на своих губах соленый запах моря, который ощущала и я. Он чувствовал под ногами ту же землю, на которую медленно спустилась теперь я. Он стоял там, где совсем недавно проходила я, и мои следы стали и его следами. Весь образ его освещало то же солнце, то же небо было над его головой. Берег, еще несколько минут назад бывший мертвенно бледным, вдруг ожил, и его изгибы разрумянились под солнцем, что косым лучом пробилось сквозь пелену облаков.

Я почувствовала, что и мои щеки уже были не так бледны. Я чувствовала, что ноги мои пришли в движение и шаг за шагом приближали меня к нему. Я ожидала, что он вот-вот растает, растворится, исчезнет, как исчезал много раз в моих снах, и потому я особенно осторожно ступала по острым камням, которые я чувствовала сквозь оказавшуюся вдруг тонкой подошву кроссовок.

Все отчетливее становилось его лицо, мелкие морщинки вокруг темных глаз, губы, под которыми затаились две маленькие родинки, что так давно не улыбались мне. Я вдруг поняла, что остановилась, не в

силах ступить и шагу, – ноги не слушались меня. Но он приближался ко мне. Я не слышала теперь звука его шагов, будто они были неотъемлемой частью берега, будто слышать их здесь было так же естественно, как шипение моря или крик чаек. Он словно вышел из моего сна, воплотился в реальности, и теперь его родные, знакомые, единственно любимые мною глаза были устремлены на меня так пристально и прямо, будто и он боялся, что, моргнув, он сотрет меня из своей действительности...

Конец ознакомительного фрагмента.

Полную легальную версию книги можно приобрести на
официальном сайте писателя

www.nstrutinskaya.ru